9 вопросов о «Преступлении и наказании»

10 мин., 11.11.2016

Отвечает доктор филологических наук, заведующая отделом теории литературы ИМЛИ им. Горького РАН, Татьяна Александровна Касаткина.

Татьяна КАСАТКИНА

Какая основная тема «Преступления и наказания»?

Это роман о том, как человек находит в себе Христа, научается выбирать Христа в себе и доверять Христу в себе. Для Достоевского высшее развитие личности (см. «Зимние заметки о летних впечатлениях»), прошедшей и переросшей свое эгоистическое состояние (необходимый, впрочем, этап человеческого развития), заключается в способности и даже страстном ее желании отдать себя всем, «добровольно пойти за всех на крест, на костер», то есть — стать Христом, просиять Христом. Для Достоевского все социальные вопросы решаются одним фундаментальным способом: «если все Христы…» (фраза эта много раз повторяется в черновиках романа «Бесы»). Например, в таком виде: «Если все Христы, будут ли бедные?». Мы с Вами обозначили здесь контекст предшествующих и последовавших за «Преступлением и наказанием» текстов Достоевского, в которых развивается его мысль о пути человека и человечества как движении ко Христу, к Царствию Божию «внутрь вас» и «среди вас» («среди вас» — как следствию «внутрь вас»; как говорит Достоевский: «были бы братья — будет и братство»). Что же в самом романе?

В «Преступлении и наказании» в центре внимания Достоевского два способа человеческого бытия, предъявленные нам в самом Раскольникове. Это, во-первых, представление о бытии как об открытой системе, постоянно пополняемой милостью и благодатью извне, и о человеке как проводнике этой благодати, Христе мира, ответственном за этот мир, окормляющем его из своей неоскудевающей руки (неоскудевающей — за счет реализованного человеком в полноте принципа *самоотдачи*). И второе — представление о бытии как о закрытой системе, где для того, чтобы у кого-то прибыло — нужно, чтобы у кого-то убыло. И человек — властный человек — в такой системе — перераспределитель благ, вынужденный решать, «кому жить, кому умирать».

> Первое дано Раскольникову во мгновенном чувстве своей ответственности за происходящее вокруг него, своей обязанности изменить происходящее за собственный счет. Он постоянно, из состояния, по видимости, крайней нищеты, раздает деньги всем вокруг себя. И каждый раз у него неожиданно находится именно столько, сколько нужно, что в тексте подчеркнуто: «— Послушайте, — сказал Раскольников, — вот (он пошарил в кармане и вытащил двадцать копеек; *нашлись*)» (6, 41)[1].

Второе приходит тогда, когда в действие вступает рассудок, твердящий, что у него мало, почти ничего нет, на всех — и даже на близких — не хватит, и что единственный способ достать — это отобрать у кого-то. Второе — это ощущение мира как места недостатка и нищеты, места жестокой борьбы за ресурс, который радикально ограничен. То ощущение, которое так хотел изменить Иисус своими чудесами умножения хлебов, внушающими человеку: если только ты готов делиться, то хватит на всех.

Раскольников, по заданию, — Христос романного мира (как и всякий человек, по Достоевскому, в области своего бытия). Любой студент, будучи спрошенным, опознает икону Богоматери с Младенцем-Христом в последней фразе письма матери Раскольникова в самом начале романа: «Молишься ли ты Богу, Родя, по-прежнему и веришь ли в благость Творца и Искупителя нашего? Боюсь я, в сердце своем, не посетило ли и тебя новейшее модное безверие? Если так, то я за тебя молюсь. Вспомни, милый, как еще в детстве своем, при жизни твоего отца, ты лепетал молитвы свои у меня на коленях и как мы все тогда были счастливы!» (6, 34). И именно это задание им ощущается, определяя первый способ его бытия — и это же задание радикально трансформируется при включении меры и счета. Остается чувство ответственности и причастности — меняются только *средства*, которыми можно изменить ситуацию. Вместо самопожертвования и самоотдачи возникает идея жертвования *другими* — для пользы всех — собственно, теория Раскольникова. Теория возникает именно тогда, когда бледнеет — под аналитическим прицелом рассудка —

непосредственное ощущение живой жизни и непосредственно данной правды. Теория возникает как желание получить тот же результат (исцеление мира) без самопожертвования и самоотдачи, перекладывая бремя жертвы на другого.

Как тема “обожения” развивается в “Преступлении и наказании” вне образа Раскольникова?

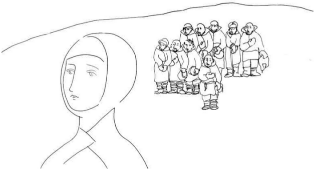
Две героини «Преступления и наказания» живут согласно первому принципу — когда человек полностью приносит себя в жертву другим, ничего не ожидая и не требуя для себя взамен — Соня и Лизавета. Лизавета просто каждому отдает то, что от нее хотят: и тело, и жизнь — и повседневную заботу. Раскольникову она отдает жизнь — не вскрикнув, не выдав, — но и рубашку ему, как выясняется, чинила тоже она. Лизавета, воплотившая полноту самоотдачи, по словам Сони, «Бога узрит».

▲
Наверх

Соня же еще видит в себе остатки эгоизма — и именно это она имеет в виду, когда говорит о себе: «Я великая, великая грешница». Это — а вовсе не то, что она проститутка (и это было прямо проговорено в черновиках — и, по всей видимости, в первом варианте сцены чтения Евангелия, которую Достоевский вынужден был переработать под давлением редакции). Она открывает Раскольникову свой грех, когда он пытается заставить ее «подумать», перейти на поле «рационального» мышления, предъявляя ей ее обиду (он ей говорит: «Катерина Ивановна ведь вас чуть не била?»). И этот ее *великий* грех — отказ в просьбе Катерине Ивановне, попросившей у нее воротнички. Грех — в том, что есть еще вещи, которые могут заслонить от нее радость самоотдачи.

> При этом интересно и характерно, что Достоевский показывает, как большая, воистину крестная, жертва оказывается более и быстрее возможна для человека, чем мелкие жертвы повседневности.

Соня, уже продавшая себя за еду и тепло для детей, «ушедшая в шестом часу и вернувшаяся в девятом» (так Достоевский прямо указывает на вновь явившуюся в ее жертве жертву Христову)[2], все же делает Катерине Ивановне больно из-за мелочи — но и сама остро чувствует эту боль другого. Потому что другой для нее перестал быть другим. «Мы одно, заодно живем» — выговаривает она для Раскольникова истинный принцип человеческого бытия. И это «заодно» — уже не исходное невыделение личности из толпы и массы — а вольное возвращение личности, вполне развившейся и осознавшей себя, ко всем, ее желание принести все триумфальное чувство человека в его потенциальном величии, добытое личным страданием, всем.



Соня Мармеладова. Рисунок Екатерины Ватель

Недаром каторжники с очевидностью воспринимают Соню как Богоматерь — или, во всяком случае, как икону Богоматери (приведу потрясающую цитату из эпилога романа в небольшом сокращении с выделением слов, которые очевидно указывают на такое восприятие): «Неразрешим был для него вопрос: почему все они так полюбили Соню? Денег она им не давала, особенных услуг не оказывала. Раз только, на Рождестве, принесла на весь острог пирогов. Но мало-помалу между ними и Соней завязались более близкие отношения: она писала им письма к их родным. Их родственники оставляли в руках Сони вещи для них и деньги. Жены их и любовницы ходили к ней. И когда она являлась на работах, приходя к Раскольникову, или встречалась с партией арестантов — все снимали шапки, все кланялись: “Матушка Софья Семеновна, мать ты наша, нежная, болезная!” — говорили эти грубые каторжники этому маленькому и худенькому созданию. Она улыбалась, и все они любили, когда она им улыбалась. Они любили даже ее походку, оборачивались посмотреть ей вслед, и хвалили ее; хвалили ее даже за то, что она такая маленькая, даже уж не знали, за что похвалить. К ней даже ходили лечиться» (6, 419).

> Достоевский в конце романа показывает, как люди приходят к своему окончательному преображению благодаря тому, что они нашли друг друга, помогли друг другу, восполнили друг друга. Именно такая взаимная самоотдача, жертвенность, открытость является путем к настоящей радости, истинному счастью.

Таким образом, «Преступление и наказание» — роман о боли и радости роста человека к заданному ему размеру, то есть — об обожении. «Христианство есть доказательство того, что в человеке может вместиться Бог. Это величайшая идея и величайшая слава человека, до которой он мог достигнуть», — писал Ф.М. Достоевский (25, 228). Самый главный призыв, обращенный к Раскольникову, прозвучит из уст следователя Порфирия Петровича: «Станьте солнцем, вас все и увидят. Солнцу прежде всего нужно быть солнцем» (6, 352).

Почему некоторые люди после прочтения «Преступления и наказания» начинают испытывать глубокую неприязнь к Достоевскому?

Эта неприязнь связана, как правило, с тем, что человек не готов читать Достоевского, поскольку не способен смотреть на мир на той глубине, на которой воспринимает его писатель. Такой читатель живет в совершенно другой, другого объема, реальности. Отсюда и неприязнь. И такое впечатление остаётся не только от «Преступления и наказания».

> Например, в «Братьях Карамазовых», в конце главы «Кана Галилейская», Достоевский описывает образ Алеши Карамазова так, будто тот является центром всего мироздания. Герой, как человек, который был создан по образу и подобию Бога, будто становится точкой, в которой сходятся все невидимые нити от Земли и Неба. Алеша становится средоточием мира. И такое отношение к человеку, такое понимание его высоты и глубины для Достоевского абсолютно нормально и привычно.

Но что произойдет, если *такое* начнет читать человек, который вполне хорошо себя чувствует в своих телесных границах и рамках, в своем горизонте ближайшей ответственности, со своей идеей ограниченных последствий своих действий (или вообще с идеей перекладывания любых последствий на окружающих и обстоятельства)? Это станет для него ужасным потрясением, абсолютно нежеланным опытом. Отсюда и проистекает яркая негативная реакция. Защитная реакция. Гораздо проще захлопнуть книгу и разозлится на ее автора, чем попытаться осмыслить совершенно иной образ себя и реальности вокруг.

Можно ли утверждать, что Раскольников главный герой романа?

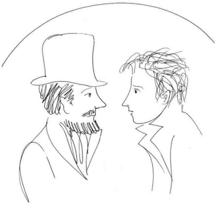
На самом деле, «главных» героев — двое. Первый — Раскольников, а второй — Свидригайлов. Именно глазами и в кругозоре этих героев мы, как правило, видим происходящее. Интересно, что перед нами при этом оказывается два совершенно разных города: через Раскольникова мы воспринимаем душный, жаркий, пыльный город, спаленный солнцем, через Свидригайлова — мокрый город, темный или затененный, в потоках воды. Так Достоевский доносит до нашего сознания идею того, что наши внешние обстоятельства — то, что формируем мы сами, изнутри нашего собственного состояния и сознания. Недаром Раскольникову будут говорить и Свидригайлов, и Порфирий Петрович: «Вам прежде всего воздуху нужно». Раскольников, ощущающий себя как Лазарь под камнем[3], в спертой атмосфере собственной вони, передает нам ощущение вони распивочных, вони известки и духоты всегда и везде — и в комнатах, и на улице.

Очень важный признак самостоятельного *второго* главного героя — впечатление, что для основной сюжетной линии романа второй герой, в общем, не нужен. Обратите внимание: история Раскольникова могла бы развиваться сама по себе и без участия Свидригайлова. Но при этом оба героя связаны друг с другом в чем-то неочевидном, но очень важном. Свидригайлов в одном из диалогов с Родионом Романовичем обращается к нему со словами: «Ну, не сказал ли я, что между нами есть какая-то общая точка, а?»

Кто в таком случае Свидригайлов? И в чем его отличие от Родиона Романовича?

Оно довольно очевидно, хотя и парадоксально. Раскольников — человек, который на наших глазах совершил преступление — и был спасен, нашел свою дорогу к преображению, о чем говорится в удивительных словах в самом конце романа. Свидригайлов же — человек, который на наших глазах отказался от совершения преступления — и, по-видимости, окончательно погиб (покончил с собой, что в христианстве есть самая безнадежная смерть).

И, однако, при внимании к тексту, к встающим за ним образам, мы можем увидеть другую картину. Мы уже видели, как в глубине убийцы-Раскольникова Достоевский рисует Христа, в глубине проститутки-Сони — Богоматерь. Достоевский всегда рисует нам человека не в плоскости и поверхности его сиюминутных обстоятельств — но в бесконечной глубине его истинного задания и призвания. В «Преступлении и наказании» есть только один герой, оставшийся плоским по своему собственному желанию — это Лужин (и фамилия его тоже отражает эту мелкость и плоскость без глубины). Этот герой плоский, потому что он весь сосредоточен на себе, на своем «я». А «я» для Достоевского — это даже не замкнутый от внешнего мира шар — «я» всего лишь поверхность этого шара. Человек, сосредоточенный на своем «я», лишается, по Достоевскому, не только доступа к своему внешнему, замыкаясь от мира, но он лишается доступа и к своему внутреннему — то есть к образу Божию в себе.



Раскольников и Свидригайлов. Рисунок Екатерины Ватель

Какой же образ встает за Свидригайловым? Образ так называемого «благодетельного блудника», присутствующий на множестве икон «Страшного суда».

Быть Достоевской: что простая женщина смогла сделать для гения?

По преданию, это был очень богатый человек, жил он в одном греческом городе. Он много помогал другим людям, церквям и монастырям, но при этом был блудником. После его смерти монахи монастыря, которому он благодетельствовал, молились, чтобы узнать о его посмертной судьбе. И вот игумену приснился сон: стоит их благодетель, прикованный к столбу между раем и адом, так, что может созерцать и то, и другое, но ни туда, ни туда не может войти. В силу своей благодетельности он не мог попасть в ад. Ничто не жгло его изнутри (что и есть адский огонь): ни зависть, ни подлость, ни желание отнять. Но и рай оказался для него недоступен, потому что своей блудной жизнью он убил в себе способность чистого созерцания красоты, чистого, не потребительского, отношения к красоте. Он не способен воспринять чистоту как ценность, как условие истинного общения, настоящего контакта.

Более того, в результате сама райская красота становится для него источником адского пламени: Достоевский в черновиках говорит, что Свидригайлов собирался *распаляться* чистым образом Дуни, именно *чистота* его *разжигала*. Благодетельный блудник — тот, в ком ад пробуждается только — и именно! — созерцанием рая.

Помните, как Свидригайлов рассказывает Раскольникову о Дуне? Это чрезвычайно интересно. Он говорит следующее: «Авдотья Романовна целомудренна ужасно, неслыханно и невиданно. (Заметьте себе, я вам сообщаю это о вашей сестре как факт. Она целомудренна, может быть, до болезни, несмотря на весь свой широкий ум, и это ей повредит.)» (6, 365). То есть — для него целомудрие — это, в данном случае, только и исключительно помеха и преграда. Для него целомудрие — это то, что мешает жить и радоваться жизни. С его точки зрения, это как болезнь, которая приносит вред и Дуне, и ему самому. Поэтому он, кстати, в так называемой «сцене изнасилования» просто пытается создать для нее такие условия, в которых она могла бы ему отдаться, не чувствуя при этом за собой никакой вины. И он это заранее иносказательно и завуалировано объясняет Раскольникову, рассказывая ему о соблазнении «добродетельной барыни».

При этом интересно, что всеми своими поступками накануне смерти Свидригайлов стремится защитить мир вокруг себя от насильственного растления. Он дает деньги Сонечке для того, чтобы ей не нужно было заниматься проституцией и чтобы она могла следовать за Раскольниковым в Сибирь. Всех детей Мармеладова он пристраивает в приют и кладет на их счет деньги, чтобы Полечке в будущем не пришлось идти путем Сони. Своей невесте, шестнадцатилетней девочке, которую ему фактически продали, он оставляет огромное приданое, чтобы уберечь ее от возможной будущей «продажи».

Соня Мармеладова. Рисунок Екатерины Ватель

Соня Мармеладова. Рисунок Екатерины Ватель

Достоевский очень отчетливо рисует нам сцену «благодетельного блудника», чтобы мы не остались в сомнении на счет посмертного пути Свидригайлова. Интересно, что отправляясь в свое последнее странствие, герой все время думает о том, что нужно бы «прямо пройти» на Петровский (то сад, то остров), где деревья, кусты, и *тот* куст, который обрушится на него миллионами брызг. Петр, как известно, ключник рая, так что рай обозначен тут вполне прозрачно. Но Свидригайлов сворачивает *налево*, к пожарной каланче. Пожарная каланча в системе романа вещь тоже довольно очевидная — это соединение огня и воды — то же самое, которое было в представлении Свидригайлова о вечности — «бане с пауками по углам», месте, где тоже соединяются огонь и вода. Свидригайлов здесь как бы подходит именно к тому посмертию, которое он для себя и предвидел. Но перед ним встает еврейский «Ахиллес» — одновременно иудей и эллин (что, собственно, и указывает нам на то, Чей, на самом деле, образ мерцает через смешной образ еврея-пожарного — победителя огня ада), которого Свидригайлов назовет братом — тот, кто скажет ему, что «здеся не место» — то есть не его место. Свидригайлов может покончить жизнь самоубийством — но в ад Господь его не пустит.

Вообще, можно сказать, что за Раскольниковым и Свидригайловым на протяжении всего романа бегает Бог — как отец бегал в сне о лошадке за маленьким Раскольниковым, пытающимся навести порядок и справедливость по своему разумению, пытающимся сначала защитить жертву, а потом отомстить за ее смерть и наказать убийц. И Свидригайлова, отвернувшегося от всех Его призывов (например, в гостинице ему приносят телятину (очередная прямая отсылка к притче о блудном сыне, мотивами которой вообще пронизан весь роман) — но он ее так и не ест), Он все же успевает хотя бы загородить от ада, заслонить от его последнего неправильного выбора.

Какие знаковые события происходят с Раскольниковым накануне убийства? А после?

Вообще, все «Преступление и наказание» — это история неправильных выборов главных героев. Неправильных выборов, которые, однако, каким-то образом дают Богу шанс.

Но одно событие, пожалуй, далеко выделяется из других по своей яркости (не внешней — каким-то образом многие читатели умудряются вообще не обратить на него внимания) и по тому вызову, который оно бросает сознанию читателя. Это событие —

спусковой крючок убийства, и Раскольникову оно кажется «каким-то предопределением судьбы его» (6, 50).

После сна о лошадке Раскольников просыпается с ярким осознанием невозможности замысленного, на душе его становится «легко и мирно» — и он произносит молитву: «Господи, покажи мне путь мой, а я отрекаюсь от этой проклятой… мечты моей» (6, 50).

А вот затем начинается странное. Раскольников, уставший, идет домой, но почему-то делает бессознательно *«очевидный и совершенно ненужный» крюк*, проходит через Сенную площадь — и именно там слышит разговор Лизаветы с мещанами-торговцами, которым она обещает прийти для заключения сделки в седьмом часу — и таким образом Раскольников, совершенно точно и абсолютно не вызывая подозрений, узнает, что старуха завтра в это время *останется дома одна*. И он воспринимает услышанное как приговор. Приговор, заметим, не старухе — себе: «Он вошел к себе, как *приговоренный к смерти*» (6, 52). За время этого лишнего и совершенно ненужного крюка произошло нечто, что полностью уничтожило его «волю и свободу рассудка», как говорит Достоевский. Этот лишний и совершенно ненужный крюк в несколько минут станет причиной лишнего и совершенно ненужного крюка в его жизни, который растянется в общей сложности на девять лет; мгновенно уничтоженная воля приведет к девятилетнему лишению свободы.

rask-1

Раскольников. Рисунок Екатерины Ватель

Пожалуй, еще более непонятным делают этот эпизод слова Порфирия Петрович в его последнем объяснении с героем: «Вас, может, Бог на этом и ждал». «По крайней мере, долго себя не морочил, разом до последних столбов дошел» (6, 351).

Здесь нам в своем наиболее полном и концентрированном виде явлена сложнейшая проблема свободы в «Преступлении и наказании».

Раскольникову уже дано то, что ляжет потом в основу преображения — ощущение себя ответственным за весь мир, за все, что происходит на его глазах. Он уже в глубине своей Христос — и крюк, который он сделает для того, чтобы преображение осуществилось — в этом смысле совершенно лишний. Но у него уже, с другой стороны, сформировалась теория, плод испуганного и неверящего рассудка, последуй он которой не в столь радикальной форме, сформируй на ее основе жизненный путь — и постепенно превратится в существо гораздо страшнее Лужина. И потому ему предлагается после молитвы не путь — а выбор пути: отказаться от своей «проклятой… *мечты»*, которую он еще нескоро — и лишь после осуществления — назовет «промахом» — то есть грехом (грех по-гречески — ‘αμαρτία — от ‘αμαρτάνω — ошибаться, *промахиваться*, не попадать) — но в ситуации обстоятельств наибольшего благоприятствования ей. То есть — отказаться не вынужденно, а самостоятельно и осознанно. Или — утратив свою волю, сделать этот совершенно лишний и ненужный крюк, пережив *в полноте и на глубине* все последствия решения приносить в жертву не себя, а другого. Этот крюк, на котором ждет Бог — потому что на таком *крюке* Он может ждать — но на таком *пути* — нет.

> Сделав неправильный выбор, Раскольников отказывается от своей свободы. Он словно начинает жить в механизированном мире. Будто он клочком одежды попал в колесо огромной машины, которая тащит и тащит героя куда-то. Совершив убийство, *вольно* выбрав поступать так, как диктуют обстоятельства, Раскольников сам порождает цепь причинно-следственных связей, внутри которой он теперь надолго *вынужден* поступать не так, как хочет, а как диктуют обстоятельства. Он становится их рабом, потеряв возможность действовать по собственной воле. Жизнь его механизируется. От этого и ощущение пространства и времени в романе очень мутное. Все вокруг Раскольникова искажено его собственным неправильным выбором: и город, и воздух, и вода, и цвет.

Кстати, что такое навязчивый унылый желтый цвет в романе, о котором столько уже говорено? Как он связан с преступлением Раскольникова и с главной идеей романа? Мы уже говорили о том, что преступник Раскольников — по заданию — Христос романного мира. Как, впрочем, и всякий человек в области своей жизни. Христос — Солнце миру (об этом свидетельствует вся христианская литургическая поэзия, и для православного, регулярно посещающего службу, это соответствие абсолютно очевидно) — в том смысле, что Он — неистощимый податель благ. И Раскольников так и ведет себя — отдавая все, что имеет, всем вокруг. Но это происходит лишь тогда, когда он перестает полагаться на собственный расчет и рассудок, утверждающие, что у него — мало, на всех не хватит, и, чтобы иметь возможность помогать, — нужно у кого-то отнять. Внимая рассудку, герой не верит в то, что он — солнце. И яркий солнечный свет в романе исчезает — вместо него появляется страшный желтый цвет — цвет недостатка и нищеты, цвет плохой воды, выцветших обоев, желтого билета Сони. Тусклый желтый цвет романа — выродившийся свет солнца, которое больше не светит. Именно поэтому и скажет герою Порфирий Петрович: «Станьте солнцем…». Интересно, что это соотношение солнечного света и желтого цвета у Достоевского вполне традиционно для христианской культуры. Солнечный свет передается сияющим золотом, а желтый — это *обесцененный*, поскольку утративший связь с золотом цвет уже в восприятии европейского средневековья.

Есть ли в романе герой, устами которого говорит сам Достоевский? Может, это Порфирий Петрович?

Нет, таких героев у Достоевского нет никогда. Автор — и мне, кажется, уже даже в рамках нашего интервью отчасти удалось это показать, — всегда говорит нечто неизмеримо более сложное, чем самый «хороший» герой. Автор у Достоевского не говорит словами, его мнения бесполезно искать в дискурсе — там есть мнения только его героев, его слово всегда многомерно, ибо его слово — это образ.

Маленький Достоевский: 9 интересных фактов из детства писателя

Что касается Порфирия Петровича, тем не менее, то это очень интересный персонаж — и именно с точки зрения своей близости к автору. Кстати, чрезвычайно интересно уже его имя, которое можно перевести примерно как «красный камень». И здесь интересно будет вспомнить аналогию со средневековой алхимией. Было учение, что красный камень — это тот самый знаменитый камень философов, который является итогом алхимических трудов, он по легенде исцеляет человека и природу при соприкосновении с ними, дарует вечную жизнь и изобилие. Камень философов — это и есть личность на высшей ступени своего развития, о которой так проникновенно говорил Достоевский, личность, пришедшая к жгучему желанию абсолютной самоотдачи, чтобы и другие все стали такими же развитыми личностями.

В романе Порфирий Петрович называет себя человеком «поконченным», и здесь мы можем увидеть, как мастерски Достоевский использует для создания образа слово, которое на поверхности звучит, как приговор (поконченный — то есть уже не развивающийся, замерший, завершенный), а в глубине открывает иной, глубоко положительный смысл, заданный значением имени (так оборачиваются слова в конце «Записок из подполья», за что герой-повествователь и получил прозвание парадоксалиста). Порфирий — завершенный человек в смысле восхождения на высшую стадию развития личности, отныне ничего не ищущей для себя, а старающейся помочь вырасти и состояться другому. Тот, кто достиг *конечного* результата. Именно ему было суждено помочь Раскольникову прийти к своему преображению.

> « В одной из бесед с Родионом Романовичем он, кстати, по замечанию Достоевского, вдруг начинает не говорить, а … кудахтать. И это, конечно, не случайно, поскольку у Достоевского в тексте вообще нет ничего случайного. Порфирий носится с Раскольниковым, как курица с яйцом. Яйцо — символ зарождения новой жизни. И Порфирий Петрович постепенно открывает Раскольникову новую жизнь, пробуждает его к перемене ума — метанойе — тому покаянию, которое воистину радикально изменяет жизнь человека. При этом Достоевский показывает, что гарантом правильно происходящего процесса преображения выступает Господь. Именно действие высшей силы незаметно регулирует этот процесс, удерживая его в нужном русле.

Например, когда Порфирий, решив ускорить процесс, начинает давить на Раскольникова, вымогая его признание, а тот, еще до конца не созрел, не готов к истинному и самостоятельному раскаянию. И вот в этом момент в комнату врывается Миколка-красильщик и кричит: «Я убийца!» Раскольников оказывается спасен от неосмысленного, вынужденного признания, которое принесет ему вред, а зарвавшийся было Порфирий останавливается, отвлекается на этого юношу, оставив Раскольникова «дозревать» дальше. Но когда Родион Романович уже готов, когда он уже не может не раскаяться, Порфирий доводит его до конца, принимает его, подводит к окончательной трансформации. Он сопровождает его как незаметный наставник, как ценитель и оценщик заключенного в Раскольникове человеческого материала. Красный камень преображает металл в золото, потому что по этой теории любой другой металл — это просто поврежденное, больное, не завершенное золото.

В этом смысле Порфирий Петрович действительно выступает от лица Достоевского. Он, подобно автору внутри текста, творит того Раскольникова, каким его задумал сам Достоевский.

Можно ли в «Преступлении и наказании» найти прямую проповедь христианства?

Проповедь — безусловно, и не только в этом романе. Один итальянский священник написал о Достоевском книгу, которую назвал «Достоевский: Христос — страсть жизни». Достоевский все время пишет о Христе — как влюбленный все время говорит о возлюбленной.

А вот с ее «прямотой» сложнее. Писатель всегда утверждал: на читателя не надо наступать, от читателя надо отступать. Ему необходимо давать возможность взять из текста ровно столько, сколько он может и готов.

Роман включен в школьную программу. Как преподавать его детям?

С любовью к автору и с любовью к ученикам. Это самое главное условие.

[1] *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в 30 томах. Л., Наука, 1972–1990. Здесь и далее том и страница указываются в тексте в скобках после цитаты.

[2] Согласно евангелистам Христос был распят на кресте в 6-м часу, а умер в 9-м

[3] Согласно Евангелию от Иоанну, Лазарь из Вифании был воскрешен Иисусом Христом через четыре дня после смерти (Ин. 11:1-45)

Читайте также:

Все материалы о Достоевском и его произведениях на сайте «Фомы»

Маленький Достоевский: 9 интересных фактов из детства писателя
Быть Достоевской
Кто хочет стать идиотом?
Достоевский. Перезагрузка
Чему учит Достоевский?
Что мы знаем о Страшном Суде

КАСАТКИНА Татьяна, СЫСОЕВ Тихон, **Журнал: Декабрь 2016 (164) №12**

2 0 Поделиться:

ТЕГИ: Достоевский Ф.М. Литература Школьная программа по литературе для взрослых

Поддержите журнал «Фома»

550 ₽ 1 500 ₽ 4 500 ₽

Введите другую сумму в рублях

E-mail

● **Единоразово** ○ Ежемесячно

Помочь проекту

☐ Я соглашаюсь с **условиями оферты**
☐ Даю свое согласие на **обработку персональных данных** в соответствии с **Политикой конфиденциальности**

Журнал «Фома» работает благодаря поддержке читателей.

Даже небольшое пожертвование поможет нам дальше рассказывать о Христе, Евангелии и православии.

Особенно мы будем благодарны за ежемесячное пожертвование.

Отменить ежемесячное пожертвование вы можете в любой момент здесь

Читайте также

Чехов: что мы упускаем, когда прочитываем его по школьным шаблонам

Чехов: что мы упускаем, когда прочитываем его по школьным шаблонам

29.01.2025 9 43

Почему Чехов назвал своего героя «человеком в футляре»?

Почему Чехов назвал своего героя «человеком в футляре»?

29.01.2025 0 2

Адски

Адс
нака

24.01

Ваше имя* E-mail*

Текст сообщения

20026 Код с картинки

Отправить ☐ Запомнить меня

Еле **Елена**
6 лет назад

А я считаю, что автор очень внимательный и умный человек.

Ответить

Ива **Иван**
7 лет назад

"Это роман о том, как человек находит в себе Христа" - доктор филологических наук натягивает сову на глобус.

Ответить

ЖУРНАЛ ФОМА 12+

ПОДПИСАТЬСЯ НА E-MAIL РАССЫЛКУ

Введите ваш e-mail Подписаться

О нас Магазин Реклама Контакты
Команда Вакансии Партнеры Архив номеров

Подписываясь на рассылку, я соглашаюсь с **правилами обработки персональных данных** в соответствии с **Политикой конфиденциальности**

ФОНД ПРЕЗИДЕНТСКИХ ГРАНТОВ

Политика конфиденциальности Правила перепечатки материалов

Мы используем файлы **cookie**, для персонализации сервисов и повышения удобства пользования сайтом. Если вы не согласны на их использование, поменяйте настройки браузера.

Библия
Новый Завет, Евангелие
Ветхий Завет
Кто есть кто в Библии
Библейская текстология
Пророки Библии

Основы Православия
Опыт веры
Основы веры с Сергеем Худиевым
Христианские чудеса
О Православии

Праздники и посты
Рождественский пост
Великий пост 2025
Успенский пост
Петров пост
Пост для беременных и болящих

- Читаем Писание
- Толкование Библии
- Библия на Руси
- Библиография

Православные праздники

- Пасха, Светлое Христово Воскресение 2025
- Двунадесятые праздники
- Дни памяти святых
- Богородичные праздники
- Вопросы священнику о постах и праздниках

Православные иконы

- Иконы Богородицы
- Иконы праздников
- Иконы святых
- Чудотворные иконы

Православный храм

- Архитектура храма
- Устройство храма

Воспитание детей

- Читаем с детьми о вере
- Психология детей
- Вопросы священнику о детях и воспитании
- Что читать детям
- У вас будет ребенок
- Вопросы психологу о детях

Отношения

Колонка редактора

Образование и воспитание

Путешествия

Новости РЖД

История

- Знаменательные даты
- История Церкви
- История России
- Зарубежная история

Психология

- Болезнь и смерть
- Уход за больными
- Психология детей
- Отношения до брака
- Православный брак
- Взаимоотношения на работе

Культура

- Архитектура
- Литература
- Иконопись
- Музыка
- Изобразительное искусство
- Кино
- Театр
- Толковый словарь
- Мысли великих

Православие в мире

- Православие в Америке
- Православие в Африке
- Православие в Белоруссии
- Православие в Греции
- Православие в Европе
- Православие в Ингушетии
- Православие в Индонезии
- Православие в Китае

Интервью

Мнения

Фото

Видео

Вопросы священнику

- Вопросы священнику о вере и благочестии
- Вопросы священнику о венчании и свадьбе
- Вопросы священнику о детях и воспитании
- Вопросы священнику о домашних питомцах
- Вопросы священнику о грехе
- Вопросы священнику о коронавирусе и карантине
- Вопросы священнику о конфликтах
- Вопросы священнику о Крещении
- Вопросы священнику о любви и отношениях
- Вопросы священнику о медицине и здоровье
- Вопросы о храме

Таинства и обряды

- Крещение
- Причастие
- Исповедь и покаяние
- Отпевание, поминовение усопших
- Миропомазание
- Соборование
- Священство

Готовимся к богослужению

- Литургия с пояснением
- Всенощное бдение с пояснением

Церковь Христова

Церковные документы

Церковь и Общество

Тексты православных молитв и богослужений

© Журнал Фома. Все права защищены, 2000—2025